

Четыре Сергея К. И. Галуза

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Константин Галуза
Четыре Сергея

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Галуза К. И.

Четыре Сергея / К. И. Галуза — «ЛитРес: Самиздат», 2018

О жизни в 90-е. Парни собираются грабить кассу, и всё обставляют умно.
Жизнь после ограбления. Содержит нецензурную брань.

Холодной, солнечной осенью, под Карагандой, в пыльном городке «спутнике» Темиртау, выпивали на лавочке четверо. Люди молодые, не мятые, местные.

Невесомых стаканчиков из рук больше не выпускали, – ветер два уже унёс, пили, теперь, по двое. Пластиковый бутылёк китайской водки, держался на асфальте чужбины под своим весом ещё сам, только открыли. Первый, пустой, катил вместе с листьями ветер. С остановками катил, тоже, видимо, удивляясь: чего это тут подпрыгивает такое несурзное, инородное... Прозрачная, пластиковая бутылка и впрямь выглядела нелепо для водки: невесомая, пустяковая ёмкость какая-то... И неслась она, подпрыгивая и посвистывая, с разворотами, по безлюдной площади Гагарина, к памятнику Неизвестного солдата. Огонь у монумента не горел, газа не было. Десятиметровый бронзовый воин, с поднятым воротником шинели, был отрешён от ветра, пыли, газа, и пустого.

– Надо было в урну бросить, – озвучил один, из четверых, в тёмно-зелёном, пухлом плаще, очевидное. Он один стоял, наблюдая за скачущими перемещениями пластикового бутылёка. А трое расположились на лавочке с комфортом.

– Да его так до Китая додует, – успокоил другой, белобрысый, сидящий на лавочке слишком уж прямо, в центре. Коротко остриженный, (со лбом, хоть поросят бей), в длинной, аккуратно застёгнутой под горло, коричневой кожаной куртке, с симпатичными пуговицами, похожими на тугие футбольные мячи или свежие шоколадные конфеты. Звали его Сергей, работал он на заводе, бригадиром слесарей. В прошлом бывший опорный полузащитник (не сложилось с футболом из-за травмы), и лейтенант запаса, – (не сложилось со службой из-за драки). Бригадир улыбнулся, поясняя, про пустой, шустрый бутылёк, с мелкими иероглифами производителя, и синей, короткой, кириллицей потребителя на этикетке, – обратно, на родину пошёл. Шас, – по озеру, дальше – степью.

За площадью, за молодым, советским, 70-х годов, автовокзалом, виднелось Самаркандское водохранилище. В простонародье – озеро, (тоже молодое – и ста лет нет).

– Дальше что? – поинтересовался, сидевший на лавочке с краю, похожий на весёлого цыгана, грека или кавказца, парень в расстёгнутом голубом плаще и темно-синем джинсовом пиджаке под ним, – Делать будем... Присутствующие звали его «Иса», потому что по паспорту: Сергей Иванович Исаев.

– Дальше, как договорились, Иса, – напомнил крупный, покачивающийся на прямых на ногах в плаще, со стёганным подкладом, – сколько можно...

Стоявшего, как и белобрысого звали Сергеем. Но если бывшего футболиста по фамилии Родимов, за глаза, и в глаза, и даже родители, бывало, называли дома так, как кричали ему на поле; «Родя!», то этого Сергея-коммерсанта в расстёгнутом пухлом плаще звали, как всех его собратьев, всегда и везде, на постсоветском пространстве. Начиная со двора, в школе, на тренировке, и в бизнесе: «Кореец». Ну или «Кора». В отличии от большинства своих щуплых собратьев, был он широк, крупнолиц, физически развит. Дзюдо, а после, модные, ушу, карате, кикбоксинг, эту самую физическую развитость только усилили. И, если б не был бы он, в школе, в отличии от всех присутствующих, «хорошистом», – (слово то какое, именно советское, и точно отражающее суть), то, глядишь, в спорте, у него бы чего и получилось. Это ещё как-то тренер по дзюдо, не весело спросил, а потом подметил: ты в школе как учишься? М-м, вот и тут ты у нас – «хорошист». Ни отличником, ни чемпионом, Кореец никогда не был. Только призёром и участником. В комитете комсомола был, но и комсоргом не стал. Там, тоже, удивительно не стремился, хоть сам и напросился. А товарищем он был с правильными понятиями.

Четвёртый, и третий на лавочке, с прямыми, правильными чертами лица, на голову выше всех, в чёрном кожаном плаще за восемьсот долларов, очень походил на Штирлица. Как Штирлиц на немца. Вячеслав Тихонов так улыбаться не умел от природы. А Сергей Виндергольд улыбался от природы просто и широко, как конь. Как все чистокровные русские немцы. Или немцы русские. Качался как Арнольд, пил как Вася, гулял как Донжуан, служил, как Крузен-

штерн, – пока не выгнали по интригам. Раздражал он многих плохо его знавших. Абсолютно не являясь эстетом, пиву предпочитал шампанское, а спортивным штанам брюки. А кроссовок у него вообще не было! При этом, в связях с интеллигенцией, замечен не был. Будучи эгоистичным снобом отличался твёрдостью убеждений. За попытку назвать его фашистом или Генрихом, с детства бил многих и не разбирая: чемпионов по боксу, вольной борьбе и экзотическому Каракульпешу. Как ему это удавалось – непонятно. Особо приёмами не владел, хотя конечно, как все физически развитые советские хлопцы ходил в своё время на плавание, самбо, бокс, штангу, биатлон и греблю, но нигде дольше полугода не задерживался, – не увлекался. И дрался. На определённом этапе драки, ему обычно удавалось зажать шею противника у себя под мышкой, а дальше, белка в колесе, по сравнению с его правой, отдыхала... Конечно он был битым. И не раз, и страшно, до чёрных глаз. «Старшиками», родственниками поверженных, дембелями в армии, различными национальными диаспорами в институте. Это не значит, что он шёл всегда напролом. Как все, он приспособливался и так же прогибался, но всегда смирялся с чувством вины перед собственной гордостью. А гордость требовала жертв и доказательств существования. И тогда, вина себя раз за разом, переполнялся не любовью к себе, и вспыхивал как спичка. Первый зубной мост ему поставили в семнадцать лет. На деньги родителей одной кавказской группировки. Другие родители пригнали «восьмёрку» к части вместе с нотариусом. Хотели от него всегда одного: что бы он никого не посадил, и не мстил. А его уже удовлетворяло то, что ни то что, прапорщик, – (отдельная история), ни один дембель его не пнёт, а Ахемет с друзьями, больше никогда не отодвинет его разнос в институтской столовой, чтобы встать без очереди. («За восьмёрку» тогда взял деньгами, и как оклемался укатил с первой зазубой к югу). Мстить – не мстил, если обещал. Слово держал, но говорил всегда, и всем: «Учтите – я зло помню. И вы меня помните».

Всех четверых объединяло детство, двор, школа. Интерес к друг другу и уважение. Они были разными, но помня детство и юность, признавали поведение друг друга достойным, или, главное, для себя понятным, или, оправданным. Разбежавшись после школы по разным сторонам, вузам, армиям-друзьям, лет на семь-восемь, из виду не терялись. И как-то, за год-два, вновь сошлись крепче старого. Это не значит, что их было только четверо, (на дни рождения у каждого собиралось человек пятнадцать), близкими и хорошими друзьями, каждый из них, назвал бы человек десять, но именно эта четвёрка собиралась часто, поговорить и просто выпить. Кроме того, было у них и одно, случайно, спьяну зародившееся дело, серьёзное настолько, что превратилось в тайное.

Встретились они не просто, как обычно, водки выпить, (это для них, двадцатисемилетних, было обычным делом). Трое на лавочке, и, один напротив, собирались на завтра, грабить кассу заводскую. Организованно.

И не первый раз собирались, да всё срывалось. План был. Порядок действий тоже. Нюансы, варианты возможных и маловероятных событий обговаривались не первый раз и уже столько дней, что это и порядком всем поднадоело. Больше того, все эти обсуждения, встречи, предложения умные, смахивали теперь уже на балобольство. И мусолить эту тему ещё месяц – не интересовало больше никого. Или – или. Если налёт срывался на этот раз, о его идее решено было забыть и больше не вспоминать. Это оговорено. Пришли все четверо. Взяли две бутылки, коротко прошли по всем пунктам, первая кончилась.

– Дальше – в «Шайбу», как обычно, но не напиваемся, – уточнил Родя, – «светимся» там, крутимся, ты – первый домой, мы после...

Присутствующий, бригадир слесарей Родя, уже оставил пакет с початой бутылкой водки и пирожками, в том месте административного корпуса, где ночной сторож её непременно найдёт. Тот решит, как обычно, что начальство опять кого-то шугнуло в дневную смену. Находит он не первый раз, пьёт как свою – «приручили». Пирожки из заводской столовой, будут с ливером, водка – с каплей клофелина, (это так, на всякий случай, что б спал крепче). Он и без

клофелина храпит так, что утром не добудисься, потому, что без своей чекушки-четвертинки, на работу не приходит. Спит крепко всегда. Ломать-корчевать, давно насверленный, бетонный пол в кассу, можно будет спокойно.

Эта часть сложностью не напрягала. Сторож исправно пил «тренировочную» водку два месяца, даже пирожки все не съедал, уносил домой, а дальше никак не складывалось.

Садилось осеннее солнце. На фоне полоски озера, шелестящих бурых карагачей, тёмной спиной выделялся бронзовый воин. Вечерело, по тротуарам и тропинкам торопились редкие прохожие. Иногородние, подгоняемые сухой листвой, чапали к автовокзалу ещё быстрее. Один, в кепке, невзрачной советской куртке, каких не продают уже, заинтересовался, – поднял на ходу кружащийся, пустой бутылёк.

– Смотри вон поднял.

– Зачем он ему нужен?

– В посёлках китайской водки ещё не видели, наверное. – предположил Родя.

– Наливай, допивать будем, ещё в Шайбе виснуть...

– Полная голова пыли, давайте, что б всё хорошо было, – предложил Кореец, – надо уходить.

Темнел и ветер, кроме сора он уже нес холод, зябли руки.

– а нафига, вот правда, тому колхознику пустая бутылка?

– Может наливать что-нибудь будет, с собой носить – она лёгкая.

– Без пробки?

– Да найдёт.

– Чего носить?

– Спирт, например. У тебя же фляжка есть...

– Так-то фляжка...

Они разлили и выпили. Выкинули бутылку, бумагу от беляшей и стаканчики в чугунную исполинскую урну у лавочки, и без слов направились через утоптаный в тропинку газон, в кафе, неподалеку. В простонародье – «Шайбу».

А мужик, поднявший со ступеней монумента пустую китайскую бутылку из-под водки, перейдя дорогу, у автовокзала, при входе, бросил её в урну.

Первым шагал Иса, он участвовал, потому что всегда был своим, и привык быть со всеми. За ним шли двое – Сергей, неожиданно надумавший дело, (бригадир слесарей), и Сергей Виндергольд, (он же – «Золотой», среди своих), согласившийся ломать пол в бухгалтерии, потому что пришёл к выводу: скучно и блёкло жить без денег крупных. Четвёртого Сергея, Корейца, увлекала возможность продумать всё до мелочей, умно взять деньги. Расчёт и внимание к деталям занимали его гораздо больше моральных соображений. Читал он много, и, если бы не тщеславие это служило бы ему с пользой. Надо добавить, все были не богаты, из обычных семей, без криминального прошлого.

«Шайба» гуляла громко со входа. Они прошли в бар на первый этаж. Столик свободный был, и не один, – рано ещё. В советское время «Шайба» была местом знаковым, мест в городе со словом «кафе-бар» насчитывалось не больше пяти. В них было вкусное, дорогое мороженное с шоколадной стружкой, в нержавеющей креманках, фирменные десерты в стеклянных вазочках, и коктейли. Можно было заказать кофе с коньяком. Водки не было. Было много тематической чеканки и резьбы по дереву. Своеобразный промежуточный этап, активной, модной, обеспеченной части советской молодёжи, между кафе мороженого и рестораном. Кафе-бары выполняли ту же роль сводничества, что и рестораны, но без живой музыки и белых скатертей. Развал общепита упразднил статус заведений дешёвой водкой, незамысловатыми салатами – по бюджету присутствующих, и громкой танцевальной музыкой из динамиков. Поговорить в

этих заведений стало возможно только днём. Мороженное исчезло, в репертуаре появился блатняк.

– Кореец ты коммерсант, и будешь башлять, – сказал Родя сразу, – у меня электроды не продались ещё. Иса как художник деньгами владел редко, а Виндергольд, имея деньги, сказал бы сразу: «да заплачу я»... Парни, правда, никогда деньгами не считались, и редко скидывались, платил, или, платили, кто мог. «У кого деньги есть?», спрашивалось загодя. Пирожки на лавочку уже брались за счёт Корейца, поэтому он согласился, но обозначил:

– Рассчитаюсь, до «пятёрки».

– Я тебе отдам потом, – сказал Родя – если напомнишь. Но у меня есть, если что, бригадные...

Кореец искренне отмахнулся рукой:

– Пока не надо.

Собирались так: всем засветиться в Шайбе, показать присутствующим, что были, напились и разошлись. Каждый по разным сторонам, и в разное время. Что бы это запомнилось. По возможности или уйти со знакомыми, или провожать девушек, и после, ещё к кому-нибудь зайти, помелькать по городу. Алиби на ночь ну никак не придумывалось достойное. А так можно сказать: «помню плохо, колобродил...» Иса с Родей по домам – им завтра на работу. Кореец приходит к Виндергольду, не известно во сколько, они ещё пьют, а потом спят целый день. Золотой живёт один, на «Востоке», в четырёхкомнатной квартире, (вторая жена ушла, водит баб, и приходят друзья регулярно). Родители Корейца, понятно, привыкли, что он иной раз не ночует дома.

Кореец действительно должен прийти к Виндергольду, не позже двух. Они сразу заводят «Ветер с моря дул...» и ждут: ментов или соседей. Главное, дожидаться как минимум, стука по трубам. Соседи у Виндергольда были разные: одни приходили увещевали, другие вызывали милицию, третьи стучали по трубам. Золотой живет, в старом, сталинском – «болгарском» доме, (болгары строили), на пятом этаже. С некоторыми соседями не ссорился, музыку убирал даже днём, если просили: к одним привозили внуков, и они были очень вежливыми людьми. Виндергольд всегда шёл людям на встречу. Если видел людей.

Немного оправдывало его то, что другие, некоторые, соседи, (с которыми он как раз ссорился и они уже не приходили, а сразу вызывали милицию), любили громкую музыку в свои праздники. Золотой поселившись в новом месте, будучи в принципе доброжелательным человеком, терпел ночную музыкальную вакханалию соседей, меломаном не являясь.... Каково же было его удивление, когда они же первые, к нему и пришли, с таким не поддельным возмущением: у вас музыка!». «А у вас вчера её не было?» – удивился Виндергольд. Тот, пришедший, простодушно, лицо кирпичом, сообщил, что он работает по сменам, что вчера у них был праздник, а сегодня они хотят отдохнуть. И он, сегодня отдыхающий, начальник смены Резубов. Виндергольд заметил, что это как-то не справедливо. Гости, сегодня, у него. И приглашать кого-либо к себе, подстраиваясь под рабочий график соседей, он не станет. Резубов сразу пошёл по не верному пути. Повысил голос, как начальник смены, принялся жестикулировать руками... Понесся потери, и не осознав, что они были не случайны, Резубов, видимо привыкший решать производственные задачи не морочась, делегируя их, или взвинчивая проблему, действительно усугубил ситуацию: пригласили со своей стороны троих неизвестных. Те, как начальник смены, считали себя, решающими людьми. Не застав Виндергольда дома, продемонстрировали находчивость и позвонили ему после, с угрозами личной встречи. (Тут видать Резубов, пробил соседа по адресу, и вызнал номер телефона.) Золотой выслушал гнусавого человека, и спросил: «А вы тут с какого боку? Сами где живёте? Ты конкретно? Что мне будет?» Внятных ответов, кроме утверждения, что «он попутал и ответит», не получил. Золотой начал догадываться: «Вы с Резубовым идиоты?» Ему забили стрелку через три часа. Виндергольд позвонил Роде и Корейцу, обрисовал ситуацию, попросил подъехать на всякий

случай и каждому сказал примерно следующее: «Если можешь. Если нет – ничего, я сам. Тут ничего страшного не будет, я думаю. Какие-то не понятные дебилы, пугают. Но если что-то не так пойдёт, сосед Ревозуб следующие смены пропустит. Уж до него то я доползу. Просто я одной девушке проспорил бутылку французского коньяка, и жду её. Вдруг она приедет? А вдруг не одна? Так что, если можешь, приезжай. Я Серому тоже позвонил, Иса работает.» Предупредив, что он надеется, что «она приедет всё-таки одна», попросил любого из товарищей, для начала, подождать его на улице.

Когда Родя и Кореец подъехали, то увидели у подъезда Виндергольда перекрашенную 520 серую беху, блестящую потёками перламутра, худощавого мужика в очках, вырезающего брызговики, за рулём, и трёх, неопределённых, (разномастных), челов на лавочке... Дождаться Виндергольда товарищам не получилось. Оглядев присутствующих, Родя только уточнил: «Вы что ль стрелки бьёте?», и, пока Кореец задавал пару вежливых вопросов по существу: «а вы кто, что вы спрашиваете», получил невразумительное и невежливое, просто рубанул первого, и переключился на второго. Те, не сразу, но признались, что Ревозуб им никто. Славик, самый здоровый из них, почему-то прятал вылетевшую наружу из футболки золотую цепочку, всё же проговорился, что работает у Ревозуба в смене, а это друзья. Ревозуб, как выяснилось, спросил насколько он честный человек, можно ли на него рассчитывать, если надо наказать отморозка, который плюёт на людей. Славик то же был воспитан по советским понятиям, а про другие он только слышал. Но одно то, что какой-то блатной упырь представляет угрозу для людей, его возмутило. Был у него долговязый, разводящий друг Аркадий, тот благосклонно согласился на акцию, и, не ниже ростом, простодушный сосед, в прошлом биатлонист Валера. Валерий осваивал «русский полевой бой» и «ножевое метание». (Нож для метания выпал у Валеры вовремя не удачной демонстрации «русского полевого боя»). Всё стало понятно Корейцу и Роде, они решили и забыть про них, и про Ревозуба, и про «полевое метание»... Тут из подъезда вышел абсолютно пьяный Виндергольд, в белоснежном махровом халате и тапочках на босу ногу. Видно было что он только что умылся. Улыбался он стеклянно.

– Вот видите, – просто пояснил он поверженным, – не надо так разговаривать по телефону. И, издевательски, хрюкнул...

– По-хорошему, – заметил Родя Корейцу, – этого в халате тоже надо отмудохать. Ему стрелки назначают, он нас зовёт, я не жрал со смены, он говорит «тут непонятки!», – и в таком состоянии, пидор!

Всех восхитил не молодой, вроде бы спокойный, водитель в очках. Он бросил брызговики с ножницами на дорогу, выхватил из под сиденья топорик туриста, обежал машину, поправил очки, и, топорща усами, объявил: «поцарапаете машину – убью! Скальп сниму с любого!» При этом стоял решительно, видно было, что не побежит, и топором, над головой, пульсировал нервно.

– Млять, сними ещё и маньяк, – заключил Родя, и попросил, – Кореец, не подходи к нему, на всякий случай, близко. Этот очкарик, может и уесть, он же не видит ни хера...

– Если совсем разнервничается, – задумчиво рассуждал Кореец, – то надо песком в глаза кинуть.

– Ага, – согласился Родя кивком, наблюдая внимательно за всеми, – он же в очках, пескозащитных...

А Виндергольд, не разделявший с товарищами чувство опасности, огласил присутствовавшим, что он приглашает всех, без исключения, на рюмочку коньяка. «И Вас, мужчина, с топором, тоже». При этом, сообщив, что: «только тихо, у меня гостя, и она спит», улыбался, как сволочь. После, задрав голову к окнам, завопил: «Ревозуб, выходи подлый трус», и: «Ревозуб! Моя бригада твою победила!» «Выходи, теперь мы с тобой будем силами мериться» ...

Кореец, выяснил, что водитель, крашенной дымчатой тачки, сам из посёлка Гагарина, «ездил с ребятами по городу, пока они занимались делами». У них есть серьёзный клиент на

машину. Аркадий сказал: человеку нужна Беха, не перевёртыш, только из Бундеса пригнанная, купит не торгуясь.

– А у тебя чё, не перевёртыш? – удивился Кореец

– Чё ты с ним разговариваешь – оборвал Родя разговор Кореяца с водителем, – веди этого домой, – он указал на Виндергольда, – закрой рот, – велел водителю, – у них ума нет, как у тебя, старый. Сядь со своим топором на место. Пока я кирпич не уронил по тебе, или, по твоей тачке, раза три. Смотри...

Трое: Аркаша, Валера и Вячеслав, с подачи Аркадия предложили эту непонятку действительно запить и подняться, пообщаться с реальными, как видно, пацанами, тем более, что Виндергольд настаивал.

– Съедались отсюда, чтоб я вас не видел! – прошипел Родя.

Кореец увел Виндергольда домой. Хлопнул с ним рюмку, попросил «её» не будить, самому Золотому никуда уже не ходить, лечь спать, и, пообещал закрыть дверь за собой.

В машине Родя начал спрашивать:

– Вот скажи, Кореец, можешь ты, когда-нибудь, без этих: подсечек, нырков, бить в пятак, сразу, как я?

– Ты силач, – согласился Кореец улыбаясь.

– Базара нет, ты этого гибона воткнул, – продолжил Родя, – но я одного конкретно уронил, а потом твоих добивал, что б не встали. Ты думаешь, так не надо? Чего ты положил и стоишь? Чего ты ждёшь? Очки тебе начислять начнут? Коко Ённо А?

– Ты кончай, – попросил Кореец, – может тебя на бокс отдать? Поживём... Будешь конкретно всех ложить. Как Костя Дзю.

– Мля, Кора, чё ты медлишь, чё ты с ними разговариваешь, зачем? – Спросить, что ими движет.

– Вот сука ты тоже, – обиделся Родя, – такая же, как Виндергольд. У меня такое настроение было... Затем, после паузы признался: – Жрать охота. Мы на работе компрессор один отретховали, списанный, и скинули его, прям на территории, подрядчикам. Предлагаю выпить, и с котлетами, в кафе «Спорт» ...

Этот эпизод, в недалёком прошлом, с конфликтной реакцией на музыку запомнился. Так решили имитировать своё присутствие, при отсутствии. Перед тем, как уйти, Виндергольд и Кореец, ещё раз, на громкости заведут кассетник. Так, что б, возмущённые соседи подскочили, запомнили, и в памяти осталось. После, они, дождавшись ответной реакции, оставив в квартире свет, тихо уходят по крыше, на дело.

После всей операции с заводской кассой, они приходят обратно, днём уже, в квартиру попадают тем же путём, незаметно, через пристройку-подвал-первый подъезд-крышу. Спускаются на свою площадку пятого этажа, по чердачной лестнице, чтоб никто их не видел, и не слышал, заходят. Спят, буянят, как после пьянки. Это всё Родя и Кореец придумали, – Кореец с музыкой, Родя с чердаком. И, вроде как, алиби у них, какое-никакое, есть.

В баре, заказали привычно водки и салат, смотрели по сторонам. Девушки были – три столика. Заорала музыка, побежала цветомузыка. Вышли танцевать девицы, все пять, с соседнего столика.

Парни сидели за деревянным столом двое на двое, разговаривали также: Родя с Виндергольдом, Кореец с Исой, наклоняясь к друг другу – иначе было не услышать. Посматривали на выплясывающих... – Веселимся, пристаём, имитируем пьянство, и расход, – напомнил Родя в паузе между песнями. – Чего вы уткнулись, как на поминках?

– Ну давай сразу, вприсядку, к ним в круг войдём, – кивнул Иса на танцующих кружком девушек в облегающем трикотаже, – все четверо, шеренгой. Или может, хоть принесут, для начала, чего-нибудь. Посидим ещё, для приличия, а то точно, запомнят, как дебилов...

– Главное – что б запомнили, – отмахнулся Родя

– Ты чего, правда предлагаешь, – дурковать что ли? – не согласился Иса, – Мы здесь не первый, не в последний раз сидим...

– Вот-вот, – признал Виндергольд, – нам ещё тут, жить с девушками дружить... Давайте на твои заводские деньги по бутылке шампанского, за каждый столик отправим, и нас запомнят.– Ага, щас, – кивнул Родя. – за двумя столиками водку херачат мадмуазели, а ты...

– Они соком разбавляют, – уточнил Кореец, – можно правда пирожные заслать, их тут не так много, две, три, пять, – за тремя столиками...

Им принесли салат в овальной белоснежной тарелке с фигурной каёмкой, – назывался он «селёдка под водочку» – четыре кусочка селёдки, уложенные на четыре кружочка картошки, обсыпанные зелёным горошком, посыпанные маринованным репчатый луком, и сбрызнутый нерафинированным подсолнечным маслом. Графин с водкой, полуторалитровую бутылку минералки «Сарыагач», стаканы и стопки. Официантка пожелала им приятного аппетита, поменяла пепельницу, сначала вежливо, на автопилоте согласилась с Виндергольдом, что картошку кухне можно резать ещё тоньше, как чипсы, а после того, как Иса дополнил: «и чтоб и с луком больше так не шиковали», спросила: кого ей позвать, администратора или охрану?

– Вот ты вредная Света, – улыбнулся Иса, – ну что нам Люда скажет? (Люда, – она же барменша, и, она же, администратор в Шайбе, последние годы.) А охранника-Эльдара, вообще смысла звать нет, не будет он пить, до закрытия. Просто на кухне скажи, чтоб не жадничали уж так, и всё...

– У нас сейчас новый арендатор, новый администратор, и новые порядки. – пояснила официантка.

– Начнём с администратора, – переглянувшись с своими, предложил Кореец, – а кто арендатор?

Мимикой Света показала, что всё печально, понятия не имеет, что происходит, и её это мало интересует.

Минут через десять, пришёл никому не известный, какой-то лысый тип, лет за тридцать, в белой, застёгнутый на все пуговицы, рубашке, с черным, отливом в бордо, галстуком, навис над столом, и начал напирать, с места в карьер, так, как не ожидал никто.

– А чего вы хотели? Вам салат не нравится? Ну идите бухайте в другое место.

Оторопели все. Первым, от коллектива, задумчиво высказался Кореец:

– А хамить надо вежливо...

Родя, сидевший с краю, попытался встать, Виндергольд положил руку ему на плечо. А пришедший смотрел на всех уверенно и обиженно одновременно. При этом демонстрировал какую-то свою форму превосходства, заключающуюся в надменном молчании...

Виндергольд, вполголоса, заметил очевидное:

– Вот уже и не надо никаких пирожков рассылать... – (он видимо хотел сказать «пирожен не надо»), но не смутившись своей оговоркой, посчитав её несущественной, расцвёл своей широкой улыбкой, обводя всех, включая Свету, светящимся взглядом. Откинувшись на спинку лавочки радостно развёл руками:

– Человек, ты нам глаза открыл! Мы можем ходить по другим местам!?! Кто ты!?! – при этом он поддался вперёд левую руку упёр в колено, а другую положил запястьем на плечо Роди. Смотрел на нового администратора снизу-вверх, с интересом.

– Мля, давайте, хоть накатим, – предложил Кореец, – а потом уже ... Зови Свет, кто там ещё есть, у арендаторов, из новой власти...

– Да, оживился Иса закидывая ногу на ногу, – можно всех посмотреть?

– Ты тут не командуй, – заметил лысый в белой рубашке, – я сам решаю, кого, когда звать. Проблемы нужны? Вы проблем хотите?

– Дайте и мне слово, – возмутился Родя, – я тоже хочу высказаться. Он повернулся к администратору, и, как будто опасаясь обвинения в невнятности, чётко произнёс: – Иди на

куй. И, давайте, правда, накатим пацаны, – тише, над столом, добавил, – у меня эти пирожки в горле стоят. Он разлил как разливал на лавочке, по чуть-чуть, они чокнулись и выпили. Вновь грянула музыка. Администратор выглядел уже как-то попроще, чувство превосходства его покинуло. Родя, поставив рюмку, сложил руки на столе, и очень доброжелательно смотрел. Официантка Света, в коротком вязанном платье, и плотных колготках, переминалась с ноги на ногу, держала разнос за спиной, вернее, ниже спины. К салату никто не притронулся, динамичная музыка, очень энергичные девушки, на заднем плане двух присутствующих сотрудников бара, отвлекали. Появилась барменша Люда, нюхом чующая всёстораживающее, (она работала тут последние лет пять), перекинулась парой слов с официанткой, увлекла за собой администратора, освобождая обзор на девичьи танцы, для недовольных салатом.

Таким образом, первая задача вечера «запомниться», решилась без особых затруднений. За это и выпили. Хотя ситуация оставалась до конца не ясной. Кто это был, почему он так разговаривает, что за новые порядки? В баре они бывали часто, знали их многие, официантки и охранники, и, понятно, обе барменши. Даже выпивали, вместе кое с кем, из персонала, бывало. Если оставались должны, после, всегда рассчитывались. И денег они тут, как завсегдатаи, оставили не мало. Сегодня, да, решили посидеть по скромному, поэтому, первые две и выпили на лавочке, и пирожков наелись, чтобы в баре меньше тратить. Обычная обывательская хитрость, и так многие делали – ели и пили дома, а в бар шли «догоняться», познакомиться, потанцевать. Последнее время цены летели вверх, и по этой «схеме» гуляли многие. Город оживал в день полочки на заводе, а она только завтра, и в заведениях, сегодня, многие гуляли «эконом классом».

– Салата кот заплакал, а стоит как бутылка водки, – сопоставил Иса, – разве это...

– Ты смотри, как этот «Петрушка», причёсывать начал... – Золотой не мог успокоиться, – пойду у Люды спрошу, что это было... Я, когда Тойоту скинул, пятачку тут с Леркой, оставил, за вечер. Всех угощал, и их в том числе, два раза в обменник ездил, а потом уже прям тут столы менял... Теперь, какой-то сидор, пытается выставить меня нищесбором.

– В этом, фешенебельном заведении, – дополнил Ко»реец.

– Вот – вот, – откликнулся Виндергольд, не особо вдаваясь в понятия, – фешенебельнейший сидор.

Родя улыбаясь выпустил Виндергольда, тот ушёл к стойке.

– Крендель, конечно, колоритный, – Иса нацелился вилкой на тарелку.

– Погоди, может не будем теперь его есть, им оставим?

– А надо? Ну, давай оставим...

– Начинаем танцевать, – напомнил Родя.

– Прям шас надо идти? – Ису не устраивали регулярные напоминания, – ещё и салат не ешь... Ну давай им отомстим тогда по серьёзному: закажем десять салатов, рассчитаемся, и, – не притронемся. Сразу поймут, с кем дело имеют...

– Чё началось-то? – Примирительно спросил Кореец.

– Да пусть идёт он пляшет, – продолжал возмущаться Иса, – мы хоть посмотрим. Чё ты лыбишься?

Родя, действительно, временами улыбался как вспомнив курьёзное, но делал это буквально и явно, в пику оппоненту. Мол, кроме мудрой улыбки, у меня ничего нет, чтобы ответить, на вашу глупость. Это, естественно, раздражало. А девушки в лучах светомузыки выплясывали обворожительно.

– Я пошёл, – сказал Родя, и направился к импровизированному танцхолу.

– Давай накатим, – предложил Кореец, – и нам то же надо сплясать сходить. Ему понравилась одна, с краю энергичного «девичника». Движения её были лёгкими и простыми.

Танцевали каждый сам по себе, по разным сторонам, но наблюдая друг друга, перемигиваясь, приглядываясь к девушкам. Девушки демонстрировали полное безразличие к появ-

лению в их круге посторонних. Корейца интересовала метиска слева. В узкой чёрной юбке, приталенном тёмном джемпере с открытой до ключиц шеей, аккуратной стрижкой. На первом медляке он пригласил её. Зовут Лика, вежливая, простая, спина гибкая, джемпер приятный на ощупь очень. Глаза блестящие.

Золотой за столиком рассказал следующее. Арендаторы с Караганды. Отжали у наших и поставили своего управляющего. Охрану будут менять на Карагандинскую. На персонал посмотрят.

Кореец слушал, рассказ Виндергольда, думал о Лике Один раз, осторожно, танцуя, он дошёл ладошкой по джемперу до пластмассовых застёжек бюстгалтера на её спине.

– У них теперь чёткая задача, – продолжал Виндергольд, – увеличить выручку в два раза, за счёт привлечения новых, обеспеченных клиентов, и создания им зоны максимального комфорта. «Люди, покупающие бутылку водки и салат не наша история. Их тут быть не должно.» – так новый администратор пояснил Люде новую концепцию развития бара.

– А она ему...

– Сказала, – подтвердил Виндергольд, – что постоянные клиенты, что...

– А как они эту зону комфорта максималить будут? Да и кафе на втором этаже, здесь же бар просто...

«Любые рычаги, любые. – так он ей сказал, – руководство рассчитывает на нас, и даёт карт-бланш. Что хотите делайте: самые крутые коктейли в городе, самые шумные вечеринки, надо – здесь стриптиз будет».

– Так, а пока стриптиза нет, чего он нам сейчас вечеринку стремает?

– Законный вопрос. – Признал Виндергольд, – Тренируется видать...

– А я знаю, что нужно делать, – Сказал Иса, – иди ему скажи. Надо этот бар в центре Караганды поставить, и тогда выручка в два раза увеличится. Вот если он завтра в совхоз имени Ленина приедет, и скажет председателю, скоро у тебя, самые крутые вечеринки, коктейли и стриптиз в клубе начнётся, то что будет? Денег у сельчан не появиться... Бессмысленно Феррари в ауле продавать. Лошадь купят, на трактор скинуться... Стриптиз не пройдёт.

– Ну у нас город всё-таки – двести тысяч. Завод на весь Казахстан. Металлурги плавят, металлисты – воруют. Контингент есть, – не согласился Золотой. – Туристов нет конечно...

– А что у нас есть? – рассуждал Иса, – наркоманы, СПИД вот нашли, раньше всех в союзе, наверное... Знаю направление! – обрадовался он, – Поминальные обеды! – за этим будущее! Зови его, дурашку...

– Может мы этому лысому кую ещё бизнес план написать? – возмутился Родя, – задрали уж-же. И заново отчеканил установку: бухаем, танцуем, расходимся. Ты – первый, я – второй. Нам на работу, вообще, с утра, – напомнил он всем, и Исе в частности, – Золотой – третий, Кореец – замыкающий. Не наоборот! Всё. Пляшем, вторую заказываем, ты уже не пьёшь, тебе за руль завтра. И через полчаса валишь домой, борща хлебать... Кореец, ты куда пошёл? Я смотрю, понравилось дело, как медляк, он танцевать без напоминаний... Этот селёдку за всех жрёт, ведь договаривались не есть...

(Золотой гонялся за горошком по тарелке), – Чего? я два кусочка только, – чего-то кушать захотелось... – признался он, – возьми ещё чего-ни будь пожрать, со второй бутылкой. И стриптиз посмотреть хочется... Ну чего ты на меня смотришь как администратор? Ты уйдёшь через час, поешь, тебя жена накормит, Ису тоже, а нам ещё пить, сидеть тут, два часа... У меня дома ведро картошки только.

– Вы с Корейцем – два кабана, своим жиром жить должны! – отрезал Родя.

– Где у меня жир? – Возмутился Виндергольд, – это у Корейца, видишь, тпнул, и танцевать сразу, без закуски. Понравилась она ему видать, а он ей... Уже и курить вместе на улицу пошли. Колись на свои бригадные деньги, Родя. Кореец сейчас протропит нам дорожку, и к ним, за столик пойдём, а там не графини сидят. Сами себе коктейльную вечеринку устраивают,

вишь, бутылка водки, сок апельсиновый и салат как у нас. Будем их угощать, нам хорошо запоминаться надо, – привёл он последний аргумент, – для дела, сам понимаешь...

Через пятнадцать минут, не дождавшись Корейца, парни сразу зашли с козырей: вызвали официантку Свету и отправили на стол девушек пять шоколадно-ромовых пирожных с вишнями. (Платить за шампанское Родя категорически отказался, хорошо хоть кофе проплатил). Тут уже появился пьяно-довольный Кореец, отмахнулся от вопросов, вник, и сразу понес на стол девушкам предложение дружить столами. Дамы уточнив форму дружбы, получив скромное: «мы хотим просто угостить вас кофе...», ответили «да пожалуйста». Ещё, минут через десять, отведав кофе, Виндергольд поднимал тост «за редкое, в наше, развальное, время, так сказать, объединение, и, единение».

Родя с Исой пристроились «в гостях» скромно, с краю. Музыка гремела надёжно. «Ничего не слышу. Опять еда тут причём?», – спросил тихо Родя у Исы.

Мрачный Иса отмахнулся, он уже не пил, пропускал, зашептал в ответ:

– Да этот буйвол щас начнет мести с три короба! Серый, надо смотреть, чтоб он пирожные их не пожрал, между делом. Купи ты им ассорти мясное, на лаваше, они что-то пьяные. Кореец ходит, как чумной, ну это ладно-понятно, они тискаются по углам, ищут где потемней... А у этого, чего рот не закрывается? Он там с Людой пока болтал за стойкой, за администратора этого, накоптейлился что ли? Наверняка, пару засадил, ещё и не Отвёртку, или Мери какую ни будь, а что по дороже... Под запись.

– Ага, – согласился Родя, – Может. Мудак. Наверное, так и было. Видать, из нас не один Кореец, сегодня девушкам, конкретно запомниться. Эта Маринка уже Золотому в рот заглядывает. Это ж надо, какое событие: они с Мариной ходили в один детский сад!

– Им ещё бетон бить, – напомнил Иса, – куда их несёт? В другой день нельзя, «единение» устроить?

– Да там дырок нормально насверлено, в два удара вынесут, выкорчуют. Не уснули бы, пока ждать будут, – мрачнел и Родя, – не ведают, что творят.

Ису сказанное тронуло и почему-то заставило задуматься, он как будто отмахивался от своих мыслей, и сомневался, что так нужно.

– А мы ведаем?

– Мы же нормальные. Ты чё верующий?

– Да был бы я верующий, вопросов тут тебе не задавал.

– Так тебе может покреститься надо?

– Мать говорит, давно надо. Грехи отпустятся все.

– Ты чё помирать собрался? Сделаем дело, потом, покрестимся тогда.

– Я вообще, так... – задумался Иса, – Мы правильно делаем, думаем?

– Не пойму я тебя. Мы всё продумали. Мне за этими ещё смотреть надо.

– Вот я и говорю, – «свернул» Иса со своих сомнений, – паси за ними, Серый. Тормози их, а я пошёл, время.

Иса встал, помахал девушкам, молча пожал руки своим. Вышел из бара, застёгивая на ходу джинсовый пиджак, запахивая, завязывая плащ на пояс.

Родя, с интервалом в десять минут, дёрнул каждого товарища на улицу, и пообещал, что если те, не возьмут себя в руки, то каждый из них, будет хуже администратора.

Первой на ушко поинтересовалась Марина у Виндергольда: «У вас что, что-то случилось?» Виндергольд пояснил по ситуации, так, что все услышали:

– Понимаете, Серёга есть очень хочет, но не знает, что вы будете, а денег у него мало. Вот, чтобы как-то посоветоваться, просил тактично у тебя узнать.

Девушки чистосердечно заверили, что сыты. Родя скромно потупился очами в стол, после, неожиданно предложил выпить, «за наш 45 год». Все выпили, кроме Корейца с Ликой, – они опять отсутствовали. Виндергольд убедил всех, что корейцы не воевали в Великую Оте-

чественную, и могут после присоединиться. «Нам, нашей победы, на всех хватит». Родя заказал мясное ассорти Звёздочка, сразу рассчитался, пожелал всем спокойной ночи и, к сожалению, трёх девушек откланялся, сославшись на работу и позднее время. При этом выразительно смотрел на Виндергольда. Виндергольд собрался проводить друга, и, просил всех присутствующих не расходиться. Две девушки не видели смысла в просьбе и тоже вежливо начали целоваться. Третья раздражённо заметила, что уже два часа ждёт своего, и будет тут сидеть хоть до закрытия. Виндергольд как-то отстранённо заметил ожидающей, что да, всем надо держаться, подмигнул Марине с детского сада, и ушёл с явно недовольным товарищем. Появившиеся Кореец с Ликой пессимизма уходящих не разделяли, светились и улыбались друг другу так, что присутствующим было не ловко.

Иса, действительно, уже хлебал борщ. Жена смотрела в комнате телевизор. На тесной в шесть квадратов кухне, из неординарного, стоило отметить картину маслом, уверенного в себе художника, над столом, и холодильник «Памир», расписанный небоскрёбами ночного Нью-Йорка так, что открывший его, увидев в нём Бетмена, не удивился бы. Манера письма обоих произведений не вызывала сомнений в том, что это рука одного мастера. Живописец с автографом не заморачивался, подписывался тремя отрывистыми буквами, наложенными одна на другую. Прочсть это как «Иса» было не просто. Иса за простой живописью и не гнался. Отучившись четыре года в художественной школе, затем два года в художественном училище, расписывая как-то гуашью и зубной пастой «Поморин» витрину овощного магазина под новый год, он пришёл к мысли, что всё это не то. Закончив вполне симпатичную заснеженную ёлочку, с дружными снегирями и безупречно-каллиграфичной надписью: «С новым 1985 годом!», получив деньги, уехав на зимние каникулы домой, обратно в училище не вернулся. Документы ему выслали. Рисовать зайчиков всю жизнь Исе расхотелось категорически. То, что раньше казалась здоровски, просто прорывом: афиши в кинотеатре, резьба в парикмахерской, чеканки в ДК, показались такой вознёй, вообще не имеющей отношения ни к живописи, ни к деньгам даже. Один художник из СХ договаривался, пятеро начинающих халтурили по разным объектам под его марку. «Станешь настоящим художником, – за тебя так же овощные, продуктовые, парикмахерские, будут херачить». Шабаш-мажь. Надо или готовиться, в Муху ехать, поступать, или правда, как мать говорит, на работу обычную устраиваться. Тут делать дальше нечего. Уже научился. Отучился он через полгода на права, и ушёл в армию водилой. Пришёл, устроился на завод, возил кислород, или аварийную бригаду, собирался пересесть на «Татру». Писал временами, обычно с пьяну, когда понимал, что «Татра» уже близко, а живопись даже не маячит. Потом трезвый правил со злостью, потом правил пьяный с радостью, что-то оставлял, что-то уносили товарищи, или случайные собутыльники. Ощущение, что именно так должно быть, приходило, потом исчезало... Радовало, что «не Зайчики». Но эти «не Зайчики», никому не были нужны, и чаще, со временем, и ему самому. Тогда это вообще не имело смысла. Просто как отрицательный результат. Это навело его на мысль, что может быть это не так плохо. По натуре Иса был врождённым врагом пессимистов. Поэтому критика собственных работ проходила у него легко, и с высоким моральным подъёмом. А когда узнал от Кореяца выражение Эдисона: «Я не знал неудач, я просто нашёл тысячу способов, которые не работают», даже спросил с восторгом: «Ты раньше не мог это сказать?!», вообще успокоился. Всё стало на свои места. Если за год работа не записывалась напрочь, она оставалась жить. А умерла, так умерла. И пофигу, что на ней и как. Интересней читать. Это он всем объяснил: «маслом пишут, то что написано, читают, читать учатся». Будучи по жизни жизнелюбом Виндергольд, например, охотно соглашался: «читаю я по живописи, надо признать, так себе, по слогам можно сказать... Но рад. Искренне рад. Картина «Волки спят» мне понравилась. Большое, человеческое, спасибо.» А Кореец говорил, что работу «Чайки в море упали», можно повесить на стену, из-за одного названия. И только Родя абсолютно не принимал новой формы в поиске современной

живописи. Да и сам поиск считал, мягко сказать, шарлатанством. «Это – наедалово. Скажи, Пикассо, почему всем куйня, так куйня, (но хоть на стену можно повесить, и что-то соврать), а мне – пидора с голубым лицом, с голубыми глазами, и моими чертами. Харош, всё! Читать я умею. Причѣсывать меня не надо. Это на день рождения!!! Я тебе реально спасибо говорю, что этот зародыш у тебя в квартире жить будет. Мой подарок. Нарисуй мне что-нибудь классическое. Хоть одну сигарету. Яблоко, клубничку... Только не чёрную! Моим именем не называй. Вообще забудь, как меня зовут, если ты хотя бы имя моё не сотрёшь... Этот же конь, битюг немецкий, неделю будет ходить, ржать... Почему всё такое прямоугольное? Глаза, да. Удались. Но почему они голубые?! У меня же карие, (я не знаю какой это цвет), но так не пойдёт Иса. Я тебя тогда Асей буду звать, я так ви-ижу. Чёрным пожалуйста. И сразу говорю, без розового. Пряма щас?! «Буду очень благода!» ... Я тогда даже её повешу в гараже. Только – тайно. Не будем говорить, что это я. И название чуть поменяем, – вот эта чёрная палка пусть будет – труба, и, дописывай: «Родя на родном заводе». Да, дым пусть так идёт хорошо... Можно с восклицательным. Зайчиков не надо. И кроликов нежелательно. Во, в каске я вообще красавчик! Слушай, я начинаю читать живопись! Братан, я её забираю. Ничего страшного, что сырая, у меня ключи от гаража с собой, там подсохнет прекрасно. А это зачем? Маска что ли, плавательная... Нормально! Я в каске и маске. Водолаз, аз. Не, это уже лишнее, приписывать, – «Водолаз». «Водолаз Родя на родном заводе» – не то, и нет правды. Не поймут. Респиратор можно. Я на углезагрузке как бы... Там мно-ого угля, да, можно подбросить... Слушай, у тебя уголь лучше всего получается, как настоящий, блестит. На трубе можно огоньки. ... Ну, всё. Немец сдохнет от зависти. У меня: и огоньки, и каска, и маска, респиратор как живой, (со складочками), и угля, – сколько хочешь! Иса – этот лучший портрет! Название очень подходит. Полчаса и готова. Точно, – час, ты смотри! Никакого времени не жалко. За хорошим делом и время летит! Я даже не знал, что могу так красиво советовать... Я в магазин, ещё одну возьму. Заверни мне её. Всё, хватит живописи. Надо и отдыхать. Я быстро... В голове у Роди мелькало разное: «я -Зорро, у нас получился, ночью. Не понятно, только, чего он в маске плавательной, по заводу шариться... Шибанутый Зорро какой-то... Но в принципе мы и подписали, для всяких долбоящеров, кто читать живописные произведения вообще не умет: «Родя на родном заводе». Далеко не самый худший вариант. С трубой. А если учесть первый, – этот просто халва в шоколаде. Тут уголь, вон, как живой – хоть продавай... » В общем, братва подходила к оценкам работам Исы по-разному...

Поев, Иса пощёлкал телевизор. Убедился, что смотреть нечего, а спать рано, есть часа два ещё. Тревоги за завтрашнее не было. У него роль не особо хитрая. Он вывезет. И заедет. На любой машине и при любых раскладах. «Если только землетрясения не случится или типа того» – так уверял он своих, и основания для этого у него были. Были и охранники-должники, и начальство, которому он «помогал» на «Аварийке» не раз. Не те, не другие без него вывезти с завода ничего не могли. Проехать, поехать, отлучиться с работы, куда ему надо, он мог всегда. Мысли, конечно, не отпускали, «надо отвлечься и чем-то себя занять» ... Решил натянуть холст про запас, и, проклеить его. Подрамников хватало, как-то сделал четыре. Принёс пару подрамников с застеклённого балкона, и два стиранных в стиральной машине мешка из-под картошки, купленных на базаре. Один мешок был с синтетической нитью, второй без, джутовый. Какой лучше – загадка. Льяной холст, как и натуральный казеин стоил дурных денег, поэтому он писал на мешковине, проклеенной ПВА, и загрунтованной масляными красками, разведёнными рафинированным подсолнечным маслом. Распустил мешки по шву, раскладывал на них подрамники, пытаясь найти оптимальный вариант, (перед этим, находился, оптимальный размер подрамников, исходя из длинны бруса). Тут, наверное, Иса совершал ошибку, натягивая не понять зачем, не имея чёткого плана действий, и, не совсем осознавая задачу. За это платят все, не включившиеся в работу, по существу, оптимисты. Если нет плана, то не понятно, что реализовывать. Понятие положительного математического ожидания, Исе было

не ведомо. Он просто бил подрамники, натягивал холст, грунтовал, и писал, как Бог на душу положит, даже не ясное.

Родя шёл домой не весёлый. Завалят дело, лишь бы бабу пошупать... И ладно этот конь, а Кореец то чего включился? Он поэтому и замыкающим уходил, чтоб Виндергольда раньше выпроводить. Как с такими дело иметь? Всё им преподнёс, разложил... И без них никак.

Родя относился к категории тех прямолинейных людей, ясность и твёрдость характера которых культивировалась самостоятельно, в противовес образу самых близких – обычно это брат, сестра, родители, – люди, оказывающие самое сильное влияние на формирование личности, как раз тем чего у них нет. Родю любили, и он своих любил, но доброту считал больше мягкотелостью, покладистость – слабостью, а слабость – уже грехом. При этом последнего слова в его лексиконе не было. Настоящая беда его родителей, (не только его), состояла именно в том, что выросшие в советское послевоенное лихолетье, они тоже плохо его понимали, и уж тем более не как не внушали детям.

Будучи битым в детстве до слёз, Родя разозлился на свою слабость, заточился. Сыграла роль и наивная советская пропаганда, не лишённая смысла:

«...при каждой неудачи – уметь давайте сдачи,
иначе вам удачи не видать!»

Родя начал отжиматься и закаляться, упражняться с гантелями. Эффект плацебо работал. Он почувствовал силу. Сергей с удивлением узнал-увидел, что его обидчики и шести раз не могут подтянуться на турнике, а он уже мог восемь. Не показавшие его «норматив», были обречены. Плакать он перестал, возюкался в пыли двора пока мог, или их выяснения не прекратят взрослые. Его перестали трогать, – а какой смысл устраивать себе неудобство? После того как Сергей подтягивался пятнадцать раз «чисто», он уже с сомнением смотрел на многих вообще: даже не все друзья отца внятно отвечали на вопрос: а ты сколько подтянешься? А отец, прикрутив трубку в два обёрнутых вокруг неё ремешка, шурупами к дверной коробке, вообще не интересовался тем, сколько раз он может подтянуться. Папа, над которым мама ходила больше, чем над младшим братом, говорил ему про школу, и про то что скоро пойдёт физика и геометрия. Это его радовало, как Родю турник. Выпив он всем рассказывал, как он учился в строительном техникуме. Не понятный набор слов из терминов и формул, какая-то ошибка отца, воспринималась Родей как планета Марс. Отец вспоминал формулу и свою ошибку в ней, на защите диплома, регулярно, убеждаясь, что собеседники не вникают в суть. Переходил на службу в армии, в Хабаровске. «Сначала я в Ашхабаде, а потом – в Хабаровске! Хабаровск – ха-ароший город. Мне так он понравился, я хотел там остаться. После службы, думаю, съезжу домой, погуляю, и, обратно, в Хабаровск. В часть зайду. Все знали, что через месяц приеду, заказы сделали...» Дальше шло перечисление командного состава, друзей по службе, и их личностные характеристики. Это час. Потом ещё один техникум, химико-механический. «Там уже я их щёлкал как семечки.»

Родя пытался анализировать факты. Отец, связавшись с техникумами и формулами, отслуживший в хорошем городе, давно уже ничего не добивался, ходил на работу, и пил не весело. Не без оснований, с сожалением, Родя решил, что это из-за слабохарактерности. Вывод напрашивался сам собой: характер должен быть сильным. Отжимался он уже на кулаках.

А потом Родя неожиданно влюбился. В футбол. У него конечно, как у всякого пацана со двора были увлечения: плаваньем, (конечно – бассейн!), борьбой, легкой атлетикой, греблей и пр., – он ходил туда, куда все ходили, все пошли... Причём ни силовые виды спорта, ни единоборства, на Родю особого впечатления не произвели. Там так нельзя, там так. На деле успешные представители этих дисциплин, его одноклассники, на драку с ним не нарывались. Дрался он без правил, и молотил без остановки, что стоя, что лёжа, если надо. В разряды не верил. Держаться и бить надо – из всех сил. Не то, что бы он не озадачивался, в своё время, как все

пацаны, кто сильнее: боксёр или борец? Просто он отнёс эту дилемму к разряду техникумов. Вот какой техникум победит: строительный или химико-механический? Папу он ввёл в ступор, а мама сказала: «победит институт. Если бы твой отец закончил один институт вместо двух техникумов, то...» В общем Родя относился к спортивным секциям с должным уважением, но с сомнением, как к формулам.

Футбол не чаяно нагрязнул... Записался Родя в секцию бокса в Дворец Спорта «Строитель». Один день в неделю, по выходным, был свободным, игровым днём. Играли в волейбол, футбол, баскетбол, – смотря какой зал свободен. Играли все: биатлонисты, велосипедисты, легкоатлеты, кто хотел, лишь бы место в команде было. Как-то всех выгнали на поле. Там и заметил его тренер по футболу: бьёт пацан сильно по воротам, уверенно, даже с тридцати метров. На защитников прёт как на таран, и, таких шкафов проходит! На второй этаж идёт, как к себе домой, и, отбирает. Головой, с десяти метров(!), – забивает. А против него идут – все б так корпус держали... Играли со штангистами блатными, те только с соревнований приехали, уговорились: на себе, как обычно, катать не надо, проигравшие ставят пиво, бутылку Шахтёрского, за каждый гол. У Роди только пятьдесят копеек в кармане на молнии. Один тренер позвал, Родя пришёл, и второй тренер, с первым, согласился. «Злой пацан. И статика хорошая»... Задатки действительно были, а в бутсах они стали явными настолько, что его сразу поставили в основной юношеский состав. Всё объяснили, всё понятно: держишь – контролируй, отдал – открылся, не можешь – отыграй, вышел-видишь – бей сам. И Родя «включился». Работоспособность его на тренировках отметили сразу. Нацеленность на результат, жёсткая физика, компенсировали отсутствие игрового мастерства, которое Родя нарабатывал не по дням, а по часам. Работа на втором этаже, ему просто улыбалась, он чуял мяч, и шёл на него. Угадывая момент рывка, траекторию, ставил точку. Даже в падении, головой, он был опасен. Чем больше Родя отдавал сил, тем больше футбол открывал ему возможностей реализовать себя в игре. На поле он пахал, и находил чистую радость в этом. Видел цель и не видел препятствий. Сначала попасть в Булат, потом – Шахтёр. Две незначительные травмы подряд, перестройка-развал, вычеркнули профессиональный футбол из жизни Роди. Выбирать вчерашнему футболисту было не из чего, завод, и одноимённый институт, к нему прилагавшийся, (ВТУЗ), в городе был один. Отец с удовольствием помогал Роде учиться. Закончив институт, он как младший лейтенант, после военной кафедры, год служил в армии. И захотел там остаться. Из-за драки не сложилось. Вернулся домой. Жизнь вошла в колею. На заводе его поставили мастером, дали бригаду. Он женился, родил сына, появилась однушка в хрущёвке. Имел не плохие «бонусы» с электродов и цветмета. Раз в неделю играл в футбол, потом «футболисты» шли бухать.

На четвёртом году своей трудовой деятельности, Родя признал: пьёт он систематически, регулярно. Ходит на работу исправно, и, ни-че-го не добивается. При этом Хабаровска он не видел, формул не знает. Вспоминает несколько голов своих, игр, и то как с углового отправил мяч в аут. «Две минуты добавочного, «Сухой лист» хотел, года два тренировал, сам. Полметра ниже, – он бы влетел. Два раза до этого на области влетал, и две штанги было. Тренер поэтому меня отправил, надеялся. Ну нет бы, – шёл бы я на добивание, легко, много башней вколачивал... Тут он знал, сушить в ворота буду. Он потом: «тебе поливать надо было». Родя видел по разговору: безразлично всем, тоже не секут «формулу». А когда его перевели в слесаря, Родя, как в детстве, заточился.

...Хлопнули его бригаду на мелочёвке, и сделали мастера крайним. Наказали на всю премию, и в простые слесаря перевели на три месяца, не разбираясь. В десять раз больше наказал его завод одного, чем оно того стоило. И все, всё в цеху знали. И дорогу никому не переходил, на хорошем счету... а как будто и не был. Ни начальник смены, ни главный инженер, слова не сказали, и компенсировать ничего не обещали. А ведь когда им, надо было, во вторую ночь бригаду загнать... Стало так, как нет его. Попал под раздачу и всё. Да что начальство, пол бригады отморозилось! Вот этого он никак от своих не ожидал. Прибыля вместе делили, а за

попадалово он один отвечать должен! Они скинулись, конечно, ему с зарплаты, только в три раза меньше чем нужно. Считать они все теперь по-разному стали... Сначала Родя даже не поверил, что так бывает, начал доказывать. Потом бить, по порядку. Его, в раздевалке, скрутили. На следующий день полбригады не вышло на работу. Родю вызвал к себе начальник цеха, и сказал: «Если кто ни будь, даже не в твою смену, или после работы, дома в подъезде, споткнётся, а может быть, где ни будь, в цеху насрано будет... Ты как минимум, на заводе работать не будешь. Ни один цех тебя не возьмёт, о переводе не думай. И обрати внимание: «как минимум». Понял меня футболист? Не слышу. И, ещё одно: если ты сегодня заявление напишешь, я сделаю вывод, что понял ты меня плохо, неправильно понял...» На заводе работали и отец, и мать Роди, и хотели они спокойно уйти на хорошую пенсию, только о том и говорили. Задумался Родя, что он может, как отомстить. Как жить не думал. С мстью – коварных, нехороших вариантов перебрал не счесть. Уволиться конечно, надо, может быть уехать в Россию, но и там надо устраиваться, на что жить? Деньги нужны. А может и не бежать, подождать, и тут их жать? Вдруг снимут этого, или, мало ли... За то тут, они все, перед ним на ладони. В ведомости, когда расписывался за цифры свои, как у обиженного, кассирша, (раньше улыбалась, и он ей, – приятная женщина), даже поинтересовалась в первый месяц, «За свой счёт что ли брал?». «Брал» – подтвердил тихо Родя. На второй раз она осведомилась за что его так «наградили», на третий и внимания не обратила. А он теперь обращал внимание на всё.

Зимой, в АБК цеха ЛПЦ2, в помещении кассы, без окон, вечером, побежала батарея. Обнаружилось это не сразу, две надёжных двери и предбанник, не давали воде выйти в коридор. Вода дырочки нашла и бежала в подвал. Пар из подвала, ночью никого не насторожил, а утром забегали. Выяснилось: постоянный слесарь по эксплуатации в отпуске, завхоз-охотник, попросил два дня отгула, «на корсака».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.